

ДНЕВНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алефиренко Н.Ф.
д.ф.н., проф., НИУ «БелГУ», Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СУБСТРАТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Рассматриваются пути и способы фреймового моделирования фразеологического значения. Продуктивность использование понятия фрейма во фразеологии состоит в поисках ответа, пожалуй, на самый сложный вопрос фразеологической когнитивистики: как соотносится семантика устойчивых выражений с нашими знаниями о тех коммуникативных событиях, которые объективируются идиоматизирующимися сочетаниями.

Ключевые слова: фразема, фрейм, фразеологическое значение, логоэпистема, концепт, пропозиция.

Alefirenko N.F.
Belgorod National Research University, Russia

CONCEPTUAL-FRAME SUBSTRATUM OF PHRASEOLOGICAL MEANING

Ways and means of frame modeling of a phraseological meaning are considered. Productivity of using the notion of frame in phraseology consists in seeking for an answer to the most difficult question of phraseological cognitivistics, that is how the semantics of idioms correlates with our knowledge of the communicative events which are objectivized by idiomatizing collocations.

Key words: phaseme, frame, phraseological meaning, logoepisteme, concept, proposition.

Возможность фреймового моделирования фразеологического значения в контексте разрабатываемой нами теории когнитивной фразеологии [см.: 1] обуславливается тем, что фраземы, как и паремии, представляют собой микротекст (свертку, логоэпистему), лежащую на линии сопряжения лингвистики и когнитивистики. Продуктивность использование понятия фрейма во фразеологии состоит в поисках ответа, пожалуй, на самый сложный вопрос фразеологической когнитивистики: как соотносится семантика устойчивых выражений с нашими знаниями о тех коммуникативных событиях, которые объективируются идиоматизирующимися сочетаниями.

Мы исходим из убеждения в том, понятие фрейма в когнитивную фразеологию «вписывается» достаточно органично как:

♦ иерархически организованная структура данных, которая представляет собой в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации типа *хлебом не корми кого – ‘ничего не надо кому-л. – только бы смочь получить желаемое’*;

♦ когнитивная структура, представляющая во фраземе знания *в их динамике*, и содержащая как общие, постоянные данные о релевантной ситуации или классе ситуаций, так и данные вариативные: *класть голову (жизнь, живот)* – ‘погибать, умирать; жертвовать собой’; *нести (городить) околесицу (чепуху, чушь)* (грубо-прост.); *нести (пороть) ахинею (дичь, вздор, ерунду, галиматью, чушь)* (грубо-прост.) – ‘говорить, писать глупости, чепуху’.

Концептуально-фреймовое структурирование фразеологического значения осуществляется, исходя из онтологических свойств базовых категорий когнитивной фразеологии: а) природы самого фразеологического значения и б) и сущности его когнитивного субстрата. Природа фразеологического значения рассматривается нами в русле лингвокультурологической семасиологии [см.: 2]. Использование концептуально-фреймового бинорма опирается на понимание фрейма как способа организации различных фраземообразующих концептов, отличающихся по уровням сложности. Поэтому сам фрейм, в свою очередь, может включать в себя несколько уровней составляющих его единиц [3: 16]. Так, В.Н. Телия, например, отмечает, что «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [4: 94].

Концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы фразеологической деривации. Как показывают наблюдения, неопределенные являются вербальными аналогами фреймов, имеющих форму пропозиции или набора пропозиций. Как известно, структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в двух уровнях. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как облигаторные компоненты характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «Обман». В его структуре можно выделить три слота: а) *источник* – указание на причину обмана, б) *событие* – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) *следствие* – указание на то, как отразился обман на окружающих и на того, кого обманывают. Выделенные слоты – обязательные компоненты фрейма «обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они выступают в разных модификациях, получая, как правило, разную фразеологическую репрезентацию: *знать мулю* – (1-е значение) ‘обманывать’, *забить мулю* – ‘обмануть’, *забить телегу* – ‘рассказать небылицу’, *загонять мулю* – ‘обманывать’; *запудрить мозги* – обмануть, *кинуть на бабки* – обманом завладеть деньгами, *знать пургу* – (2-е значение) ‘обманывать’; *ездить по ушам* – ‘обманывать’ и др. Как видим, при активизации фрейма приоритет получают разные сетевые связи актуализированных слотов, что, естественно, вызывает каждый раз иные образные ассоциации.

Содержание фразеологического фрейма композиционно: оно складывается из знания периферийных смыслов фраземообразующих компонентов, репрезентирующих соответствующие субконцепты в структуре данного фрейма. В силу своего композиционного характера в процессе мыслительных операций фразеологический фрейм предстаёт как цельное единство – гештальт. Вместе с тем, в процессе самой операции ассоциативного объединения нескольких ментальных структур он изначально членим. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении фразеологических единств и их свободносинтаксических генотипов. Ср.: *садиться не в свои сани* – а) в прямом смысле и б) ‘браться не за своё дело’; *связывать руки* кому – а) в прямом смысле и б) ‘лишать способности свободно действовать’, *заметать следы* – а) в прямом смысле (*лиса замечает свои следы*) и б) ‘уничтожать, устранять то, что может служить уликой в чём-либо’. Такое ассоциативное объединение, если следовать концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, можно назвать *концептуальной интеграцией*. Под концептуальной интеграцией (conceptual blending) Ж. Фоконье и М. Тернер понимают слияние двух ментальных пространств, при котором возникает новое пространство. В процессе фраземопорождения возникает новое, интегрированное ментальное пространство, в ассоциативно-образном созидании которого участвуют два исходных ментальных пространств, имеющих долговременный характер: а) базовая когнитивная структура (внутренняя форма), имеющая оперативный характер, и б) интегрированное когнитивное пространство фразеологического прототипа.

Фреймы, в отличие от концептов, обладают достаточно строгой внутренней структурой. Её образует весьма сложная конфигурация слотов (терминалов). Слоты с точки зрения содержащейся в них информации бывают простыми и сложными, то есть в них кодируется стереотипная информация различной сложности. Простые слоты содержат, как правило, один из признаков отражённого в сознании объекта; сложные – разветвлённые фоновые знания: обыденные, языковые и даже энциклопедические. Так, фраза *аника-воин* (ирон.) не только выражает значение ‘задира, хвостун, храбрый лишь на словах’. За ней стоит целая фрейм-структура. Отдельные её слоты выражаются: (1) синонимами *шапками закидаем* кого! (разг.), *много думать (мнить, воображать, мечтать, полагать) о себе* (разг., ирон.); (б) антонимами *идти / пойти в огонь и <в> воду* за кого, за что; за кем (разг.) – ‘быть в состоянии совершить любой смелый поступок, предпринять любые самоотверженные действия, не раздумывая, жертвуя всем’; *не <из> робкого (трусливого) десятка* (разг.) – ‘смелый, храбрый, небоязливый (о человеке)’. Ср.: 1) *Откуда такая твердая уверенность? Объяснение простое: во-первых, наша войсковая часть вот уже без малого семьдесят лет держит марку образцовой, а это о чем-нибудь, да говорит; во-вторых, события последнего месяца из жизни в/ч изгоняют всяческие мысли о существовании в электростальских армейских рядах хотя бы одного Аники-воина* (Н. Юрьева. Аты-баты); 2) *В староверских деревнях, что издревна платили двойной налог «за веру» – платили по всякому, а чаще своей кровью – ратниками, сохранились*

тетрадки о «вечных». Наряду с такими известными, как Вечный Жид (в этих местах и его встречали), веровали и в Вечного Скомороха (у соседей с новгородчины он загостился до того, что в родню влез), а также и собственного **Анику-Воина** (А. Грог. Аника-Воин); 3) **Фандорин развел руками**: – Ну вот, сударь. Полна площадь свидетелей, в том числе военного сословия. Или бейтесь, или из гвардии вон. Так гласит дуэльный статут. Задумчиво глядя ему в лицо, преображенец негромко произнес: – Что ж, старичок, будь по-твоему. Это я сгоряча, на радостях, тебе убираться велел. А отпускать тебя, пожалуй, нельзя. Начирикал, поди, тебе воробьишка, о чём не следовало... – Нет! – крикнул Митя. – Я ни слова! – А всё же так, шишки моченые, верней выйдет. Пойдем, **Аника-воин**, пыряться. Где шпагу возьмешь? – Одолжу у господина партионного начальника (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Фрейм «Хвастовство» состоит из нескольких достаточно сложных слотов: **Первый слот** достаточно простой – содержит один признак ‘непобедимый’ (он в той или иной степени присутствует в каждом из трёх предложений): имя Аника взято из византийской повести о герое Дигенисе, прозванном *anikitos* – непобедимый. Этот эпитет со временем стал собственным именем. **Второй слот** – ‘бахвальство’ (см. 1-е предложение): в старинной народной сказке рассказывается про Анику, который, победив своего противника, стал бахвалиться, что теперь ему всё нипочём, что никто ему уже не страшен, даже сама Смерть. Услыхала Смерть эти слова и предстала перед хвастуном. Куда только девалась показная смелость Аники! Пришлось ему униженно вымаливать прощение у Смерти за свою дерзость. **Третий слот** – ‘кукольный персонаж’ (2-е предложение): Аника – любимый некогда простолюдинами персонаж ярмарочных балаганных спектаклей и кукольных представлений, весь сюжет которых сводился к тому, что Аника без конца хвастается храбростью, а в финале, увидев смерть, страшно пугается, несмотря на то, что ему помогает Петрушка, палкой прогоняя смерть.

Обычно фреймы изолированно не существуют. В силу того, что отображаемые ими реальные или воображаемые ситуации тесно взаимодействуют между собой, они, чаще всего, обладают общими слотами, пересекаются, образуя в сознании сетевидную конфигурацию интерпретируемого фрагмента действительности. Причём, как показывает анализ, фреймовые структуры организованы иерархически. Это присуще и отдельным фреймам, и межфреймовым сетям. В первом случае в каждом фрейме можно выстроить некую иерархию с фиксированной вершиной и конкретизирующими её смыслами; во втором – доминантные (вышестоящие) и подчинённые (нижестоящие) фреймы.

«Фразеологическое видение» ситуации во многом определяется усвоенным с детства этнокультурным кодом. Его внимание может останавливаться на разных частях фрейма. В одной и той же лингвокультуре каждый «стоп-кадр» представляется или отдельной фраземой, её вариантом, синонимом или фразеосемантической группой. Если внимание привлечено к жёстко связанным слотам фрейма, они реализуются вариантными фраземами. Так обстоит дело при косвенно-производной вербализации фрейма «Лишение»: *оставлять*

(*оставаться*) с носом, *оставлять* (*оставаться*) на бобах, *оставлять* (*оставаться*) ни с чем, *оставаться* (*оказываться*) при пиковом интересе. Выделение не жёстко связанных слотов вербализуется фразеологическими синонимами: а) *оставлять* (*оставаться*) на бобах, *оставаться* (*оказываться*) при пиковом интересе; б) *вверх дном, шиворот-навыворот*. Если же внимание рассредоточено по разным, не имеющим прямых смысловых связей, слотам фрейма, такие модификации фрейма выражаются разными фраземами, которые, однако, являются членами одной фразеосемантической группы. Именно так представлен в русской фраземике фрейм «Беспорядок» и его субфрейм «Путаница»: *концов не найти, расхлёбывать кашу, дым коромыслом (столбом), вверх дном, без толку*. Если в центре внимания оказываются противоположные фреймы, то их косвенно-производная номинация порождает фразеологические антонимы. Ср. фрейм «Порядок» (*в <полном> порядке, чин чином*) и фрейм «Беспорядок» (*вверх дном, вверх тормашками*).

Представители разных лингвокультур в одном и том же фрейме могут наполнять некоторые слоты хотя и родственным, но всё же разным смысловым содержанием. Это нередко приводит к членению фрейма на субфреймы. Ср.: рус. *во всю ивановскую* – 1) очень громко (кричать, храпеть и т.п.); 2. очень быстро, со всей силой и т.п.; болг., если внимание сосредоточено на слоте «кричать, орать», – (*викам, крещя*) *колкото ми глас държи, с цяло (то си) гърло*; если в центре внимания оказывается слот «играть, шуметь» – (*свирия*) *много високо; (свирия, шумя, вдигам шум), та и умрелите ще събудя*; если внимание привлёк слот «храпеть» – (*хъркам*) *като заклан, като гатер, като мотор*. Как видим, когнитивным субстратом семантической структуры фраземы выступает фрейм, который отражает определённый **прототип**, сформированный на основе прошлого опыта и соотносимый с хранящимся в памяти обобщённым представлением о стереотипной ситуации или запечатлённым в памяти идеальным образом некоторого предмета (явления). В связи с этим при кодировании и декодировании содержащейся в фраземе информации (в процессе соотнесения её с денотативной ситуацией) происходит оязыковление этой информации в соответствии с прототипом вербализуемого фрейма.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. – Белгород, 2008. 151 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете теории языкового сознания // *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Red. Dana Balakova und Harry Walter. – Greiswald, 2010. S. 29-36.
3. Dijk T. A. van *Text and Context Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. – Longman, 1997. 159 p.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. 288 с.